СОДЕРЖАНИЕ

От автора 6

Введение. Три известности Михаила Кузмина 9

Становление литературной славы:
Кузмин — александриец, порнограф, апостол? 25

Глава 1. В поисках перемен (1912–1917) 55

Невоенные рассказы 78

Кузмин — футурист и поэт революции 96

«Марсельские матросы» — революционный проект Кузмина . . . 124

Глава 2. Пространство выбора (1917–1921) 144

«Враждебное море» и конец иллюзий 146

От современности к гностицизму: Кузмин осенью 1917 года . . 170

Куда пропали «Гонцы»?
Три варианта пореволюционной судьбы Кузмина 193

Годы затишья: 1918–1920 207

Глава 3. Эмиграция и внутренняя эмиграция (1921–1924) . 237

«Вторник Мэри»: Воображаемое путешествие в 1906 год 239

Кузмин — новый Пушкин 265

Начало конца: Объединение эмоционалистов
и сборник «Условности: Статьи об искусстве» 296

«Радостный путник» на перекрестке эпох 334

Глава 4. Хроника угасания (1924–1936) 360

«Стружки» былой славы: Творчество 1924–1926 годов 360

«Форель разбивает лед» и возвращение в 1910-е годы 383

Формирование круга Кузмина
в конце 1920-х — начале 1930-х годов 406

Глава 5. Подземные ручьи: История культа (1936–1989) . . 429

Дневник как жизнь, жизнь как дневник:
К прагматике главного прозаического текста Кузмина 429

Два вида ностальгии: Кузмин как образ и Кузмин как культ . . 462

Эпилог. Выбор и последствия 522

Благодарности 530

Литература 533

Указатель имен 560

ОТ АВТОРА

Первые слова этой книги были написаны в 2017 году. Именно тогда мне впервые захотелось рассказать про Михаила Кузмина не как про эстета и культовую фигуру русского модернизма, чья история соединила центральные сюжеты и главные имена Серебряного века. Меня заинтересовал другой период его жизни: когда блестящий поэт, денди и знаток французского искусства XVIII века обнаружил себя сперва в повоенной, потом в пореволюционной, а затем и в Советской России — но не покинул эту страну, не отказался от творчества, а продолжил писать и сочинять в тяжелейших и мало пригодных для этого условиях.

Двадцать лет жизни Кузмина окутывает почти непроглядный мрак, но результатом их стала книга «Форель разбивает лед», одна из вершин русской поэзии XX века — а может, и русской литературы вообще. Над пропастью, на краю которой оказалась русская культура в 1917 году, Кузмин будто бы смог перекинуть одному ему видимый мостик и органично пронести по нему из 1910-х в 1920-е свои элегантные стихи, игривые «песеньки» и представления о красоте, изяществе и легкости, которые он забрал из других времен. Кузмина не смогли сломить или заставить замолчать годы нищеты, безвестности и бесконечного страха. Этот денди и эстет явно знал какой-то секрет обращения с историей.

Загадка Кузмина не отпускала меня, и несколько лет я исследовала, как этот умный, злой и прагматичный человек существовал в пространстве пореволюционных возможностей и почему оказался в 1936 году там, где оказался, — в нищете и безвестности, но на пороге посмертной славы. Мне

не хотелось описывать путь Кузмина как отчетливое начало, внутреннюю целенаправленность и предрешенный конец. Гораздо интереснее было смотреть на периоды неопределенности, когда писатель перебирал несколько стратегий выживания, тасовал возможности, отказывался от одних и склонялся к другим. Чем больше я погружалась в детали жизни Кузмина, тем больше понимала, что в его истории есть что-то вечное и безусловно понятное каждому из нас. Раз за разом, в любую эпоху, человек оказывается в положении выбора, необходимости начинать все с нуля, собирая новую жизнь из мелких и мало подходящих друг к другу обломков старой. Порой этот процесс ни к чему не приводит, но иногда случается счастливое совпадение, и из нескольких совершенно разных осколков собирается прекрасная и единственно возможная картина.

История не нова, она не любит прорубать новые пути и с удивительным упорством идет по одним и тем же дорогам. Это значит, что у всех нас есть то, чего нет у слепой поступи времени, — возможность смотреть назад, думать, оценивать и размышлять. Мы не одиноки: мы можем посмотреть на выбор, который когда-то сделал Михаил Кузмин, чтобы понять, можем ли мы избежать его ошибок. Так в истории вековой давности я обрела утешение.

Эта книга — о том, как одному из самых тонких, вдумчивых и изящных русских писателей, в стихах и прозе которого присутствовал безусловный вкус и ощущение подлинной красоты, выпало жить в самую неизящную, некрасивую и неодухотворенную эпоху. Я опишу большой период жизни Кузмина — с 1912 по 1936 год. Крайние даты выглядят пугающе несоизмеримыми: имперский задор начала мировой войны сменился темнотой советских лет, еще не сгущающейся, но уже клубящейся. Между ними — революция, одна, другая, Керенский, Ленин, Брестский мир, Гражданская война, образование СССР, смена власти, одной, другой… Мир, который пытался залатать сам себя, не замечая, что с каждым новым стежком где-то поблизости расползалась новая прореха.

С точки зрения своего времени Кузмин, безусловно, проиграл: он не сделал большой карьеры и не смог заработать

себе даже на достойную старость. Однако с точки зрения искусства и творчества он столь же несомненно выиграл. Парадоксальным образом Кузмин, не слишком принятый современниками, никогда не бывший поэтом первого ряда и не ставший культовой фигурой у потомков, сформировал одну из самых цельных, ярких и уникальных репутаций среди множества не менее экзотических фигур Серебряного века, которую не смогли уничтожить годы забвения. Более того, следы влияния Кузмина обнаруживаются в литературе и культуре второй половины XX века — как в ее потаенной, андеграундной части, так и в официальном дискурсе. Значит, *sub specie aeternitatis* Кузмин сделал что-то правильно, и мы можем у него чему-то научиться.

О том, как сложилась слава одной из самых противоречивых фигур русской литературы, какие перипетии выпали на его долю и почему его на первый взгляд неудачная история на самом деле является примером подлинного торжества искусства и силы личности, я и хочу здесь написать.

Март 2025

Введение

ТРИ ИЗВЕСТНОСТИ МИХАИЛА КУЗМИНА

В одном из самых эмоциональных и богатых отсылками стихотворений Михаила Кузмина 1920-х годов «Ко мне скорее, Теодор и Конрад!..» есть такие строки:

> Куда меня, о Теодор и Конрад,
> Вы завели, в чужом воображеньи
> Явился я непрошеным пришельцем.
> Найдется ль место мне в твоих мечтах?[1]

Назвав своего лирического героя (за которым без труда угадывается он сам) «непрошеным пришельцем», Кузмин невольно предопределил вектор своего восприятия на протяжении всего XX века. Рассеянно присутствуя в культуре как переводчик (роман Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» говорит с современным читателем языком Кузмина), даровитый стихотворец и мастер верлибра, автор одного из многочисленных манифестов начала 1900-х — 1910-х годов, Кузмин тем не менее отсутствует как самостоятельная единица. У него нет солидной литературной генеалогии, он не образовал заметной школы и не оставил узнаваемых следов влияния. Настоящий пришелец, Кузмин появился в русской культуре, помог оформиться одному из самых блистательных

[1] Здесь и далее стихотворения Кузмина цит. по наиболее авторитетному на настоящий момент изданию: *Кузмин М.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. Изд. 2-е, испр. СПб.: Академический проект, 1999 [2000] («Новая библиотека поэта»), если не указано иное. Список основных источников текстов см. в: Сокращения.

ее периодов и пропал, оставив после себя скорее миф, сохраненный во множестве мемуаров, чем реальный след.

Даже беглый анализ современных исследований, учебников по истории литературы и популярных хрестоматий показывает, что по поводу фигуры и творчества Кузмина до сих пор не существует консенсуса: его попеременно записывают то в запоздалые символисты, то в ранние акмеисты[1], но чаще всего просто оставляют в специально уготовленной для одиночек-пришельцев нише «поэты вне групп» вместе с Мариной Цветаевой или Борисом Пастернаком. Однако и обойтись без Кузмина нельзя: без его «Александрийских песен», верлибров, переводов и «Форели…» картина развития литературы начала XX века будет неполной, а русская поэзия лишится нескольких лучших своих образцов. При этом влияние Кузмина будто бы ограничивается исключительно 1900-ми годами: чаще других републикуются его ранние произведения — дебютные цикл «Александрийские песни» (1906) и повесть «Крылья» (1906), поэтический сборник «Сети» (1908). Широкому читателю также хорошо известен цикл «Форель разбивает лед» (1927) — о его популярности говорит хотя бы постановка в знаковом для театральной культуры 2010-х годов «Гоголь-центре» (премьера состоялась в 2017 году).

В рамках сообщества филологов и интеллектуалов Кузмин был и продолжает оставаться высоко оцененным автором со своей богатой историей изучения. Достаточно сказать, что его творчество опубликовано в России и за рубежом в трехтомном собрании стихотворений[2], двенадцатитомном

---

[1] См. в следующих новейших учебниках и учебных пособиях, рассчитанных на студентов-филологов: *Серафимова В. Д.* История русской литературы XX века: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Русский язык и литература». М.: Инфра-М, 2013. С. 10; *Мескин В. А.* История русской литературы «серебряного века»: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. С. 96; История русской литературы XX — начала XXI века: Учебник для вузов: В 3 ч. / Сост. и науч. ред. В. И. Коровина. М.: ВЛАДОС, 2014. Ч. 1. С. 352–355; История русской литературы Серебряного века: Учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Агеносов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 135–143.

[2] *Кузмин М. А.* Собрание стихов: [В 3 т.] / Сост., подгот. текстов и коммент. Дж. Э. Малмстада и В. Маркова. München: Wilhelm Fink Verlag, 1977.

собрании прозы и критики[1], четырехтомном собрании драматургии[2], томе «Библиотеки поэта»[3], трехтомном собрании избранной прозы[4]. Биография Кузмина появилась в серии «Жизнь замечательных людей»[5]. Однако и в научной рецепции больше внимания уделяется раннему и позднему периодам жизни и творчества автора. Приведем характерную деталь: в биографии Кузмина, написанной Н. А. Богомоловым и Дж. Э. Малмстадом, 1900-м — началу 1910-х годов отведено в два раза больше места, чем пореволюционному времени: четыре главы против двух. Самым же изученным текстом Кузмина до сих остается цикл «Форель разбивает лед». Таким образом, как в читательском восприятии, так и в исследовательской традиции Кузмин оказывается замкнут в двух периодах — раннем и позднем, сборниках «Сети» (1908) и «Форель разбивает лед» (1929), а больше двадцати лет напряженной творческой жизни выпадают из внимания ученых и читателей.

Почему так произошло? По нашему предположению, Кузмин создал столь яркую и цельную литературную репутацию, что его образ оказался прочно закреплен в 1900-х годах, времени его яркого дебюта и шумной славы. Затем эта слава понемногу сошла на нет, чтобы вернуться — уже в другом качестве — в конце 1920-х. Этот процесс едва ли можно считать случайным: те двадцать лет, что разделяют два знаковых текста Кузмина, писатель выстраивал собственную литературную стратегию, не прекращал писать и неустанно менялся. Существует соблазн описать его путь при помощи

---

[1] *Кузмин М.* Проза: [В 12 т.] / Ред. и примеч. В. Маркова и др. Вступ. ст. В. Маркова. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984–1990 (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts).

[2] *Кузмин М.* Театр: В 4 т. (В 2 кн.) / Сост., [примеч.] А. Г. Тимофеева. Под ред. В. Маркова и Ж. Шерона. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1994 (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts).

[3] *Кузмин М.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999 [2000] («Новая библиотека поэта»).

[4] *Кузмин М.* Проза и эссеистика: В 3 т. / Сост., подгот. текста и коммент. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак. М.: Аграф, 2000.

[5] *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин. М.: Молодая гвардия, 2013 («Жизнь замечательных людей»).

упрощенной модели «успех до революции — забвение после революции», однако это не будет полностью соответствовать истине.

Едва ли в истории русской литературы можно найти более удачный пример для изучения репутации и перипетий писательской славы, чем Кузмин. Именно поэтому мы хотим посмотреть на его жизнь и творчество не через анализ произведений или хронологию событий (с первым удачно справляются многочисленные исследования, а второе целиком и полностью описывает его знаменитый дневник), а как на историю славы и, пользуясь выражением Р. Д. Тименчика, «историю культа»[1]. Как мы покажем ниже, на протяжении многих лет Кузмин четко выстраивал свою литературную репутацию и социальное лицо; во многом его творческий путь и есть смена репутаций и лиц, неотделимая от бурных событий эпохи.

В качестве отправной точки нашего исследования мы выбираем 1912 год — время выхода второй стихотворной книги Кузмина «Осенние озера», которая обнажила кризис репутации писателя и стагнацию его творчества. Именно с этого года Кузмин начинает череду экспериментов — они проявятся как в его творчестве, так и в публичном образе. Совпав с эпохальными историческими событиями, эти эксперименты не всегда были удачны, что в итоге и привело писателя к почти полному забвению в конце жизни.

Одновременно наше исследование посвящено самому малоизученному и порой загадочному периоду в биографии и творчестве Кузмина, «темнота» над которым сгущается к концу жизни писателя. Этот период долгие годы был затронут исследователями лишь фрагментарно. Хотя мы также выбираем отдельные репрезентативные эпизоды и тексты, главной своей задачей мы считаем описание динамики литературной репутации и писательской стратегии автора, помещающее разрозненные элементы в контекст единого процесса. Многие сюжеты и тексты будут рассмотрены впервые. Также в этой книге впервые обильно привлекается

[1] См.: *Тименчик Р. Д.* История культа Гумилева. М.: Мосты культуры, 2018.

к анализу дневник Кузмина, все еще доступный читателю и исследователю не полностью.

Эта книга — хроника упадка литературной славы Кузмина, и в то же время — история одной из самых ярких и цельных литературных репутаций Серебряного века, надолго пережившей своего создателя. В нашей книге Кузмин предстает не только деятелем культуры Серебряного века, но и важным промежуточным звеном между традициями русского модернизма и неофициальной культурой.

* * *

Прежде чем начать разговор о Кузмине, нужно сделать несколько теоретических замечаний, проясняющих методологию нашего исследования. В первую очередь нас будет интересовать конструкт «литературной репутации», который был разработан А. И. Рейтблатом. Приведем его определение «литературной репутации», ставшее классическим:

> …те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя. Это понятие близко по характеру употребительному в социологии термину «социальный престиж», который толкуется как «соотносительная оценка социальной роли или действия, социальной или профессиональной группы, социального института <…>, разделяемая членами данного сообщества или группы на основании определенной системы ценностей»[1].

Из него следует, что изучение литературной репутации писателя предполагает детальный анализ разных аспектов его деятельности, причем не только с точки зрения

[1] *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении (О литературной репутации Пушкина) // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 51–52.

литературного процесса, но и в более масштабном контексте. По этой причине мы считаем возможным расширить круг потенциальных тем и включить в наше исследование сюжеты, связанные с литературой лишь косвенно.

Хотя образ Кузмина неоднократно становился предметом изучения[1], впервые вопрос о литературной репутации автора был поставлен в небольшой, но исключительно важной статье Н. А. Богомолова. Богомолов предложил перенести фокус внимания на работу писателя по созданию собственной репутации и связать действия автора и критическую рецепцию его творчества отношениями непрерывного взаимовлияния:

> …в понятии литературной репутации неизбежно существует и вторая сторона, относящаяся к самому писателю: творя не в безвоздушном пространстве, он неминуемо реагирует на критические отклики <…>, соотнося истинное содержание своего творчества, каким оно представляется ему, с той внешней рецепцией, которая выражается в откликах «литературной общественности». <…> Ставя себя в определенные отношения с современниками, обладающими возможностью публично реагировать на преданные

[1] На раннее формирование образа Кузмина указал уже В. Ф. Марков в первом обзорном исследовании кузминской поэзии. Марков описал этот образ как покоящийся на «трех китах»: «гомосексуализме, стилизации и прекрасной ясности» (*Марков В. Ф.* Поэзия Михаила Кузмина // Кузмин М. А. Собрание стихов: [В 3 т.]. München: Wilhelm Fink Verlag, 1977. Т. 3. С. 397). Схожим образом описали репутацию Кузмина А. В. Лавров и Р. Д. Тименчик (*Лавров А. В., Тименчик Р. Д.* «Милые старые миры и грядущий век»: Штрихи к портрету М. Кузмина // Кузмин М. Избранные произведения. Л.: Худож. лит., 1990. С. 3–16), С. Ю. Корниенко (*Корниенко С. Ю.* 1) В «Сетях» Михаила Кузмина: Семиотические, культурологические и гендерные аспекты. Новосибирск: НГПУ, 2000, 2) Самоидентификация в культуре Серебряного века: Михаил Кузмин: Учебное пособие. Новосибирск: НГПУ, 2006) и др. Г. А. Морев подошел к репутации Кузмина как к нарративу, предопределившему траекторию рецепции автора: «Удручающее непонимание современников, усвоивших в отношении Кузмина лишь изобретенную Ивановым в 1906 году дефиницию — „живой анахронизм“, — естественно оформилось после 1917 года в еще один, своего рода „некрологический миф“ о поэте…» (*Морев Г. А.* Казус Кузмина // Кузмин М. Дневник 1934 года / Под ред. Г. А. Морева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 10).

> тиснению произведения, автор тем самым выстраивает и собственную позицию в литературе[1].

«Вторая сторона» репутации, выделенная Богомоловым, также расширяет границы нашего исследования. Мы хотим показать, что кроме внешних факторов и рецепции, влияющей на действия автора, в построение репутации включаются и его сознательные (или неосознанные) действия, направленные на формирование определенной идентичности и ее позиционирование, — то, что мы называем писательской стратегией.

Этот термин также нуждается в конкретизации. Стратегию определяет то, что в «понимающей социологии» Макса Вебера названо целерациональностью социального действия:

> Целерационально действует тот, кто ориентирует свои действия на цель, средства и побочные следствия и при этом рационально взвешивает как средства относительно целей, так и цели относительно побочных эффектов и, наконец, различные возможные цели друг относительно друга, т. е. действует, во всяком случае, не аффективно (в частности, эмоционально) и не традиционно[2].

Стратегия предполагает расчет, планирование и строгую причинно-следственную связь. При перенесении этого термина в пространство литературного быта необходимо также учитывать, что писатель поступает целерационально не только как индивид, член социума, но и как писатель, представитель определенной литературной культуры и игрок определенного поля литературы. Поэтому писательская стратегия пролегает между социальным действием и действием собственно-литературным. Порой такие действия могут служить достижению одной цели, но иногда — подводить к разному результату.

---

[1] *Богомолов Н. А.* Литературная репутация и эпоха // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 57.

[2] *Вебер М.* Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии: В 4 т. / Пер. с нем. под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2016. Т. 1. С. 85.